

Городок в табакерке (Одоевский)/Версия 2

В. Ф. Одоевский. Городок в табакерке

Папенька поставил на стол табакерку. "Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка", - сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый, - и счесть нельзя, и все мал мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи расходятся по всему небу.

- Что это за городок? - спросил Миша.

- Это городок Динь-Динь, - отвечал папенька и тронул пружинку...

И что же? Вдруг, невидимо где, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять: он ходил и к дверям - не из другой ли комнаты? и к часам - не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте;

смотрел и под стол... Наконец Миша уверился, что музыка точно играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит, а из-за деревьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок всё светлее и светлее; окошки горят ярким огнем, и от башенок будто сияние. Вот солнышко перешло через небо на другую сторону, всё ниже да ниже, и наконец за пригорком совсем скрылось; и городок потемнел, ставни закрылись, и башенки померкли, только ненадолго. Вот затеплилась звездочка, вот другая, вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев, и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились, и от башенок потянулись синеватые лучи.

- Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? Как бы мне хотелось!

- Мудрено, мой друг: этот городок тебе не по росту.

- Ничего, папенька, я такой маленький; только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается...

- Право, мой друг, там и без тебя тесно.

- Да кто же там живет?

- Кто там живет? Там живут колокольчики.

С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша?

И колокольчики, и молоточки и валик, и колеса... Миша удивился: "Зачем эти

колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?" - спрашивал Миша у

папеньки.

А папенька отвечал: "Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все

изломается".

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею,

смотрел-смотрел, думал-думал, отчего звенят колокольчики?

Между тем музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую нотку, как будто что-то отталкивает один звук от другого.

Вот Миша смотрит: внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает

мальчик с золотой головкою и в стальной юбочке, останавливается на пороге и

манит к себе Мишу.

«Да отчего же, - подумал Миша, - папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно? Нет, видно, в нем живут добрые люди, видите, зовут меня в гости".

- Извольте, с величайшею радостью!

С этими словами Миша побежал к дверце и с удивлением заметил, что дверца

ему прилась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел

долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

- Позвольте узнать, - сказал Миша, - с кем я имею честь говорить?

- Динь-динь-динь, -отвечал незнакомец, -я мальчик-колокольчик, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать.

Динь-динь-динь, динь-динь-динь.

Миша учтиво поклонился; мальчик-колокольчик взял его за руку, и они пошли.

Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненой

бумажки

с золотыми краями. Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий,

еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды - чем дальше, тем

меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

- Я вам очень благодарен за ваше приглашение, - сказал ему Миша, - но не знаю, можно ли будет мне им воспользоваться. Правда, здесь я свободно прохожу,

но там, дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды, - там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду. Я удивляюсь, как и вы под ними

проходите.

- Динь-динь-динь! - отвечал мальчик. - Пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мной.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до

последнего свода, тогда мальчик-колокольчик попросил Мишу оглянуться назад.

Миша оглянулся, и что же он увидел? Теперь тот первый свод, под который он

подошел, входя в дверцы, показался ему маленьким, как будто, пока они шли,

свод опустился. Миша был очень удивлен.

- Отчего это? - спросил он своего проводника.

- Динь-динь-динь! - отвечал проводник, смеясь. - Издали всегда так кажется. Видно, вы ни на что вдаль со вниманием не смотрели; вдали все кажется

маленьким, а подойдешь - большое.

- Да, это правда, - отвечал Миша, - я до сих пор не думал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты

читает книжку. Только этого мне никак не удалось сделать: тружусь, тружусь,

рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресло его возле фортепьяно стоит, а между тем я очень хорошо

вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом

конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше

ее ростом; но теперь вижу, что она правду говорила: папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за

объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил: "Динь-динь-динь, как смешно!

Не

уметь рисовать папеньку с маменькой! Динь-динь-динь, динь-динь-динь!"

Мише показалось досадно, что мальчик-колокольчик над ним так немилосердно

насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

- Позвольте мне спросить у вас: зачем вы к каждому слову всё говорите «динь-динь-динь»?

- Уж у нас поговорка такая, - отвечал мальчик-колокольчик.

- Поговорка? - заметил Миша. - А вот папенька говорит, что очень нехорошо привыкать к поговоркам.

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал больше ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! Что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое,

черепаховое; по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, оно с неба сойдет,

вкруг руки обойдет и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные,

крытые разноцветными раковинками, и под каждую крышкою сидит мальчик-колокольчик с золотой головкою, в серебряной юбочке, и много их, много

и все мал мала меньше.

- Нет, теперь уж меня не обманут, - сказал Миша. - Это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

- Ан вот и неправда, - отвечал провожатый, - колокольчики не одинакие.

Если бы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим. Это оттого, что, кто из нас побольше, у того и голос потолще. Неужели ты и этого не знаешь? Вот видишь ли,

Миша, это тебе урок: вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная;

иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться.

Миша, в свою очередь, закусил язычок. Между тем их окружили мальчишки-колокольчики, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали.

- Весело вы живете, - сказал им Миша, - век бы с вами остался. Целый день вы ничего не делаете, у вас ни уроков, ни учителей, да еще и музыка целый день.

- Динь-динь-динь! - закричали колокольчики. - Уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет, да что же в том толку? Мы бы

уроков не побоялись. Вся наша беда именно в том, что у нас, бедных, никакого

нет дела; нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки; нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и

золотые деревья; но мы, бедные, мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы - ни пяди, а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке, и даже в табакерке с музыкою.

- Да, - отвечал Миша, - вы говорите правду. Это и со мной случается: когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру и сделается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься - всё не мило. Я долго не понимал; отчего это, а теперь понимаю.

- Да, сверх того, на нас есть другая беда, Миша: у нас есть дядьки.

- Какие же дядьки? - спросил Миша.

- Дядьки-молоточки, - отвечали колокольчики, - уж какие злые! то и дело что ходят по городу да нас постукивают. Которые побольше, тем еще реже "тук-тук"

бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою:

"тук-тук-тук!

тук-тук-тук! поднимай! задевай! тук-тук-тук!". И в самом деле, дядьки-молоточки беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику тук да

тук, индо бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо

поклонился им и с добродушием спросил, зачем они без всякого сожаления

колотят

бедных мальчиков. А молоточки ему в ответ:

- Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

- Какой это у вас надзиратель? - спросил Миша у колокольчиков.

- А это господин Валик, - зазвенели они, - предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться.

Миша - к надзирателю. Смотрит: он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него

шпильки, крючочки видимо-невидимо; только что попадетсЯ ему молоток, он его

крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

- Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры? кто прочь не идет? кто мне спать не дает? Шуры-муры! шуры-муры!

- Это я, - храбро отвечал Миша, - я - Миша...

- А что тебе надобно? - спросил надзиратель.

- Да мне жаль бедных мальчиков-колокольчиков, они все такие умные, такие добрые, такие музыканты, а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают...

- А мне какое дело, шуры-муры! Не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стучают мальчиков! Мне что за дело! Я надзиратель добрый, все на диване лежу и

ни за кем не гляжу. Шуры-муры, шуры-муры...

- Ну, многому же я научился в этом городке! - сказал про себя Миша. - Вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает. «Экой злой! - думаю я. - Ведь он не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю? Знал бы, сидел в своей комнате". Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем Миша пошел далее - и остановился. Смотрит, золотой шатер с жемчужною бахромою; наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница,

а под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает. Миша этому очень удивился и сказал ей:

- Сударыня царевна! Зачем вы надзирателя под бок толкаете?

- Зиц-зиц-зиц, - отвечала царевна. - Глупый ты мальчик, неразумный мальчик. На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы

не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся,

молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц-зиц-зиц.
Мише

захотелось узнать, правду ли говорит царевна. Он наклонился и прижал ее пальчиком - и что же?

В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень и вдруг пружинка

лопнула. Все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики

свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинку, испугался и... проснулся.

- Что во сне видел, Миша? - спросил папенька.

Миша долго не мог опаматоваться. Смотрит: та же папенькина комната, та же

перед ним табакерка; возле него сидят папенька и маменька и смеются.

- Где же мальчик-колокольчик? Где дядька-молоточек? Где царевна Пружинка?

- спрашивал Миша. - Так это был сон?

- Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здесь порядочно вздремнул.

Расскажи

же нам по крайней мере что тебе приснилось!

- Да видите, папенька, - сказал Миша, протирая глазки, - мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверка в табакерку растворилась...

Тут

Миша рассказал весь свой сон по порядку.

- Ну, теперь вижу, - сказал папенька, - что ты в самом деле почти понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь

учиться механике.

«Книжная полка", <http://www.rusf.ru/books/>: 21.05.2002 12:53